

А.К. Кириллов*

A.K. Kirillov*

**Достольпинское переселение:
неизвестный документ 1880-х годов в
контексте истории миграций****Pre-Stolypin's Migration: an Unknown
Document of the 1880s within the
Context of Migrations History**

DOI: 10.31518/2618-9100-2019-6-16

DOI: 10.31518/2618-9100-2019-6-16

УДК 94(47).082

Выходные данные для цитирования:

How to cite:

Кириллов А.К. Достольпинское переселение: неизвестный документ 1880-х годов в контексте истории миграций // Исторический курьер. 2019. № 6 (8). С. 199–213. URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-6-16.pdf>

Kirillov A.K. Pre-Stolypin's Migration: an Unknown Document of the 1880s within the Context of Migrations History // Historical Courier, 2019, No 6 (8). P. 199–213. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-6-16.pdf>

Abstract: At the early 1880s Altai appeared the place of sharp clashes between old-dwellers and peasant migrants. The most famous of these conflicts occurred in the early 1880s in the village of Novo-Tyryshkino. In the document published it is described by the chairman of the Tomsk province council N.N. Petukhov. He was one of the most active and most experienced officials of the Tomsk province, who personally met with peasants at Novo-Tyryshkino trying to find a way to settle the conflict. His description allows us to see behind a particular case some common problems that influenced the course and results of the Great Siberian migration. First of all, it is the phenomenon known in demographic science as the chain migration. This makes it possible to compare the Great Siberian migration of the second half of the late Russian empire with other large migrations of different epochs.

Keywords: Great Siberian migration; chain migration; old-dwellers and newcomers; peasant commune.

The article has been received by the editor on 06.11.2019.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Алтай начала 1880-х годов – место острейших столкновений между старожилами и переселенцами. Самое громкое из этих столкновений произошло в начале 1880-х гг. в селении Ново-Тырышкинском. В публикуемом документе оно описано председателем Томского губернского управления Н.Н. Петуховым. Это одним из самых деятельных и самых опытных чиновников Томской губернии, который лично встречался с крестьянами в поисках выхода из тупика. Его описание позволяет увидеть за частным случаем некоторые общие проблемы, повлиявшие на ход и результаты Великого Сибирского переселения. Прежде всего, речь идет о явлении, известном в демографической науке под именем цепной миграции. Это дает возможность сопоставить Великое Сибирское переселение второй половины XIX – начала XX века с другими крупными миграциями разных эпох.

Ключевые слова: Великое Сибирское переселение; цепная миграция; старожилы и переселенцы; крестьянская община.

* Кириллов Алексей Константинович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук; доцент, Новосибирский государственный университет (Новосибирск, Россия), e-mail: alkir.nsk@gmail.com

Kirillov Alexey K., Candidate of Historical Sciences, Senior researcher, Institute of History of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences; Associate professor, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia), e-mail: alkir.nsk@gmail.com

Переселение крестьян в Сибирь – один из сюжетов, давно пользующихся интересом историков. Даже в учебнике российской истории найдется место столыпинскому переселению (хотя обычно и в рубрике “столыпинских реформ”, что, конечно, неверно). Но П.А. Столыпин – это 1906-й и следующие годы, а из заглавия публикации уже ясно, что речь пойдет о документе, составленном четвертью века раньше. Именно время появления – первое, чем этот документ важен. Не без удивления мы узнаем, что уже в это время, когда размер переселения на один–два порядка уступал столыпинским годам, столкновения между переселенцами и старожилами стали проблемой, достойной внимания столичных журналистов. Переселение – маленькое, а конфликты – большие: таков парадокс 1880-х годов.

Этот парадокс проявляет важную сибирскую особенность, которая отличает этот регион от некоторых других мест, колонизируемых земледельцами в то же самое время (например, от американского «дикого Запада»). Создание хозяйства в Сибири требовало постепенности; приехать «в чистое поле» и сразу же начать хозяйство без посторонней помощи было невозможно. Увидев (за счет старожильческо-переселенческих конфликтов) в 1880-е годы эту проблему, правительство в следующие десятилетия постепенно развернуло целую систему мер помощи переселенцам, до выдачи казенных ссуд включительно. Без этой системы было бы невозможно большое столыпинское переселение.

Можно, таким образом, сказать, что власть оказалась на высоте положения. Здесь, однако, полезно увидеть, что эта самая система, привычно обозначаемая монолитным словом «власть», не всегда едина. Публикуемый документ отлично показывает, что «власть» – это и чиновники по крестьянским делам, и исправник (полиция), и сотрудники губернского управления, и лично губернатор, и иногда оказывается, что они имеют разные мнения, выдвигают взаимоисключающие предложения. Тот курс переселенческой политики, который после его воплощения кажется нам очевидным и единственно возможным, вовсе не был таким для людей, вынужденных на практике заниматься решением этой проблемы. Выработка этого курса происходила не только в обсуждениях, но даже в борьбе.

Читая записку, написанную логично, со знанием дела, и хорошим языком, легко поддаться соблазну глядеть на мир глазами ее автора. Публикуемый документ располагает к доверию, и это не случайно. Его автор – человек умный, деятельный, опытный. На момент составления записки Нафанаил Назарович Петухов занимал должность председателя Томского губернского правления и был, следовательно, вторым человеком в губернии (после губернатора). Доводилось ему быть и первым: как раз в тот момент, когда разгоралось Ново-Тырышкинское дело, во время «пересменки губернаторов» 1883 г., он исполнял обязанности начальника губернии. По всей видимости, Нафанаил Назарович был одним из тех «инженеров», которые во все века вызывают недоверие высших вождей, но которым вожди с удовольствием предоставляют тащить самую тяжелую поклажу. На момент очередного обострения Ново-Тырышкинского противостояния летом 1884 г. Петухов был в Тобольске – вероятно, с поездкой по личным делам. Но губернатор И.И. Красовский при помощи телеграфа и тобольского полицмейстера нашел его и там, не рискуя предпринимать что-либо самостоятельно.

Сила Петухова – в том, что он лично общался с крестьянами и внимательно читал получаемые от них документы, в которых довольно много написано между строк. Это позволило ему увидеть – и четко показать в своем докладе – этап взаимовыгодного сотрудничества, длившийся около полутора десятилетий с середины 1860-х годов. Этот этап сотрудничества – важнейшее явление, которое позволяет нам понять происхождение конфликта. Отчасти сотрудничество было обусловлено тем, что переселенцы могли представлять выгоду для старожилов (продать им свои старые дома, нанять в батраки, получить деньги за приемный приговор). Но есть и вторая составляющая, особенно важная на позднем этапе, когда численность вновь прибывающих уже перестала устраивать старожилов: это соседские и родственные связи. Приезжающие в Сибирь крестьяне шли по стопам своих предшественников, уехавших ранее из тех же мест. За тысячи верст друг от друга, безо всякой электронной почты, крестьяне долгие годы поддерживали связь, и новые переселенцы хорошо

знали, куда именно надо идти, чтобы получить так необходимую в первое время помощь. У демографов этот механизм называется «цепная миграция». Не видя его, невозможно понять, каким образом переселенцы могли поселиться на новом месте, если старожилы были против. «Цепная миграция» – один из могущественных универсальных механизмов, в разные эпохи и у разных народов позволяющий искателям лучших мест преодолевать сопротивление окружающей среды (природной и общественной).

Сила Петухова – в том, что он не просто высказывает мнение, но действует. Это он «присоглашает» большинство старожильского схода согласиться на выдачу приемных приговоров: беднейшим переселенцам – бесплатно, другим (не бедным, но и не буйным) – за умеренную плату. И тем самым открывает нам важнейшее явление: и переселенцы, и старожилы – тоже не монолитны, как и власть. В рамках каждой группы есть активисты, задающие тон; есть те, кто уступает активистам, но готов принять и другое решение. Взаимодействие между этими группами, во многом зависящее от объективных обстоятельств (кто богаче, тот и влиятельней), но включающее и субъективную составляющую, и есть двигатель конфликта, который предопределяет его во многом непредсказуемый ход и исход.

Доклад Петухова – самый большой документ из архивного дела, полностью посвященного Ново-Тырышкинскому конфликту. Все прочие документы освещают лишь отдельные ходы той или иной стороны: старожилы подают жалобу на переселенцев, переселенцы просят защиты от старожилов, тот или иной чиновник высказывает мнение... Записка Петухова покрывает период сразу в полтора десятилетия, описывает всю «шахматную партию», избавляет от необходимости вдумываться в документы, исходящие от крестьян. Студенты-историки, имевшие задачу при подготовке к семинару восстановить историю Ново-Тырышкинского противостояния, восприняли доклад Петухова как своего рода правильный ответ в конце пути.

Это огорчило меня. Доклад Петухова все-таки полезно сопоставить с другими документами дела. В подробностях эти документы и вся ново-тырышкинская история описаны в специальной статье¹, здесь же выделю то, что важно для оценки доклада Петухова как источника. Видно, что история возникновения противоборства изображена у Петухова чересчур монолитной. Кажется, что до 1882 г. все переселенцы жили без приговоров, а потом их никому не давали. Между тем, из старожильских жалоб известно, что непричисленные переселенцы селились в Ново-Тырышкино при помощи тех, кто пришел раньше и причислился законным образом. Эти «пришедшие раньше» – это своеобразные «новоселы-старожилы»: юридически они – полноправные члены старожильского общества; фактически им ближе интересы переселенцев. Этот факт Петухов вовсе игнорирует, хотя именно отсюда растет то разнообразие отдельных переселенческих историй, которое так важно для него самого. Похоже, Нафанаил Назарович решил избежать чрезмерных исторических экскурсов и посвятил читателей своего доклада лишь в те подробности, которые были необходимы для обоснования принятых им практических решений.

Говоря о позиции Н.Н. Петухова как высокопоставленного представителя власти, полезно учитывать и «сибирецентричность» его отношения к делу. Говоря об излишках земли у ново-тырышкинцев и ставя задачей обмежевание земель (с отрезкой лишнего), он предлагает ущемить интерес некоторых старожилов лишь потому, что они нарушили существующий норматив (15 десятин на душу). Задача, которую он стремится решить – это избежание кровопролития на подведомственной территории, поддержание (сохранение) существующей системы отношений. Между тем для губернаторов (присылаемых из Европейской России) и столичных чиновников, скорее, характерно восприятие такого рода конфликтов в свете проблемы освоения Сибири. Это огромное недозаселенное пространство надо поскорее колонизовать, изменить существующее положение – таково их отношение.

¹ Кириллов А.К., Караваева А.Г., Самульцева Н.Н. Переселенческо-старожильские конфликты на заре великого сибирского переселения (1870–1880-е гг.): штрихи к портрету российского общества // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2017. № 4. С. 44–53.

Этим, в конце концов, и определялась выработка той политики, которая в итоге оказалась более выгодной для переселенцев, чем для старожилов.

* * *

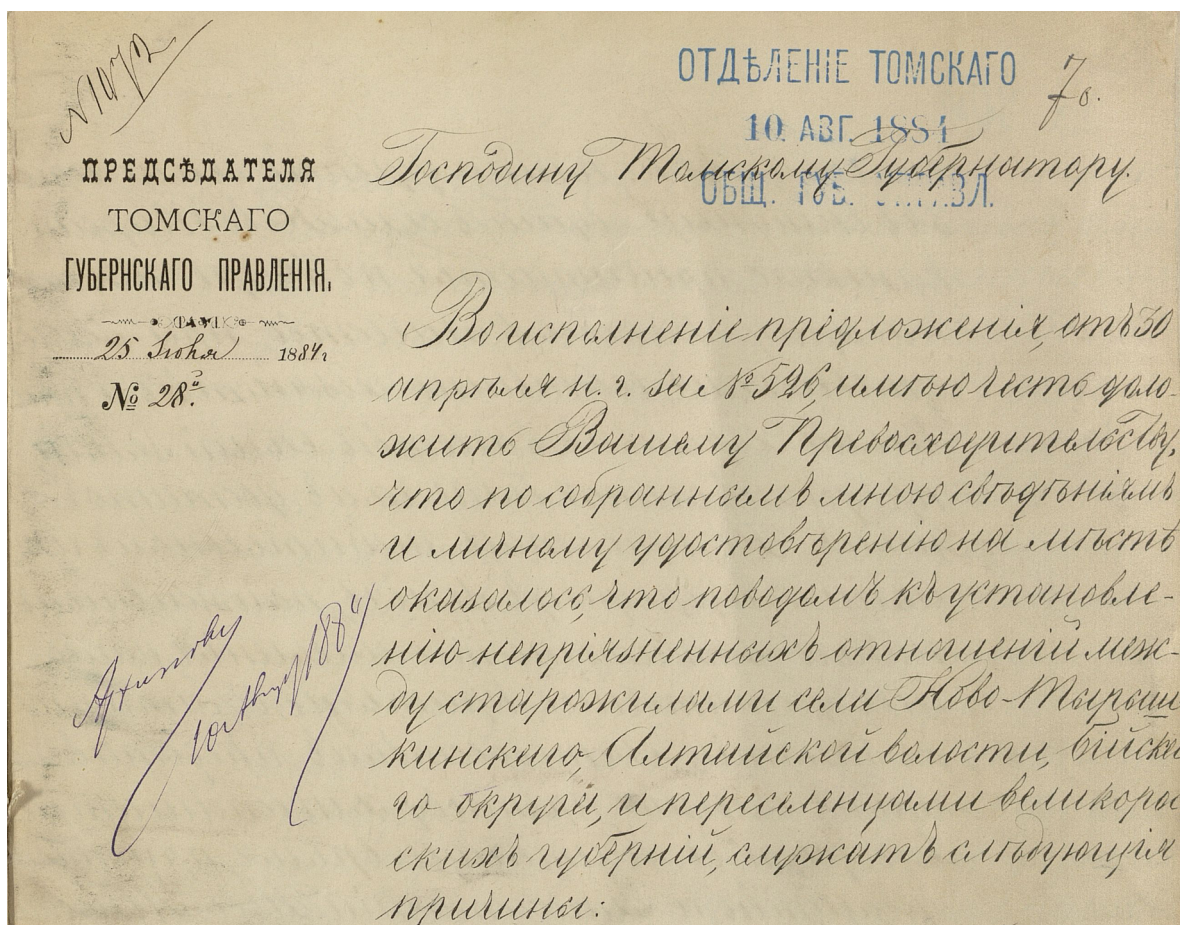
Напоследок – краткое археографическое описание. Публикуемый документ хранится в Государственном архиве Томской области, в фонде Томского губернского управления. Документ подлинный, выполнен коричневыми чернилами аккуратным писарским почерком, подписан Н.Н. Петуховым. Использован бланк председателя Томского губернского правления, в который вписаны дата (25 июля 1884 г.) и исходящий номер (28). Судя по синему штампу Томского общего губернского правления, доклад был получен 10 августа 1884 г. Прочитав документ, губернатор оставил на первой странице помету: «Архипову. 10 Августа 1884». Через руки В. Архипова (секретаря Томского губернского управления) проходили все бумаги по данному делу.

На поле первой страницы, внизу, простым карандашом выполнен арифметический подсчет, на сколько душ должно хватить надела ново-тырышкинского общества при 15-десятиной норме.

В публикации подчеркнуты те слова, которые в подлиннике подчеркнули читатели документа – обладатели красного, синего и простого карандашей. Ряд абзацев отчеркнут на поле красным карандашом (при публикации это не учитывается).

Долгая и кропотливая работа с этим документом была бы невозможна без благосклонного содействия директора томского архива Анастасии Георгиевны Караваевой, умеющей за многотрудными ведомственными заботами не забывать о том, что история нужна, чтобы сделать наш мир лучше.

* * *

Доклад председателя Томского губернского правления Н.Н. Петухова томскому губернатору с изложением предыстории Ново-Тырышкинского столкновения, а также общих проблем переселения на Алтай, и с предложением мероприятий по решению этих проблем. 25 июля 1884 г.

Господину Томскому Губернатору

Во исполнение предложения от 30 апреля н[астоящего] г[ода] за № 526 имею честь доложить Вашему Превосходительству, что по собранным мною сведениям и личному удостоверению на месте оказалось, что поводом к установлению неприязненных отношений между старожилами села Ново-Тырышкинского Алтайской волости, Бийского округа, и переселенцев великорос[сий]ских губерний, служат следующие причины:

По плану унтершх[т]мейстера Тихобаева, составленному в 1824 году, в дачах села Ново-Тырышкинского, заключающих в окружности 54 версты, исчислено всей земли 14.507 десятин 1845 сажень²; причем собственно пахотной земли 8069 дес. 1300 саж., сенокосной 1100 дес. 1700 саж., усадебной и под скотским выпуском 2123 дес. 1430 саж. и неудобной, – которая, впрочем, в значительной части, за осушением низменных мест, давно уже обращена в сенокосы и под пастьбу скота, – 3012 дес. 2215 саж. Таким образом оказывается, что одной лишь [Л. 70 об.] числящейся по плану удобной земли, при 348 окладных душах села Ново-Тырышкинского, причитается по 32 дес. 1096 саж. на душу, каковое количество, при земледельческом собственно хозяйстве и при весьма хорошем качестве самой земли, представляется более чем достаточным. Но, при столь значительном изобилии плодородных земель, положившем начало зажиточности населения, наиболее достаточные крестьяне обратились к занятию скотоводством, представляющим большие противу хлебопашества выгоды, и в настоящее время, при общем довольстве и благосостоянии Ново-Тырышкинских крестьян, многие из них имеют значительное количество скота (некоторые до 100 и даже до 200 голов), для пастьбы и прокормления которого требуются и разделы пастбищных мест в летнее время и обширные сенокосы для заготовления корма на зиму. До восьмидесятых годов Ново-Тырышкинские крестьяне, постепенно расширявшие свое скотоводство, без всяких опасений за будущность этой, главнейшей, отрасли своего хозяйства, не только не тяготились принятием к себе на жительство переселенцев из внутренних губерний, но, нуждаясь в [Л. 71] дешевых рабочих руках, даже приглашали к себе на жительство тех, в начале не многих, пионеров переселенческого движения, которые являлись в Бийский округ для приискания свободных земель. Не думая о последствиях и не входя в начале ни в какие соглашения с Ново-Тырышкинцами, первые переселенцы, прельстившись привольем алтайской жизни, зажиточностью и добродушным приглашением Ново-Тырышкинцев, с 1868 года начали оседать в этом селе, беспрепятственно пользуясь всеми полевыми угодьями и понемногу обзаводясь хозяйством и улучшая свое благосостояние. Ни местная полиция, ни мировые посредники, ни Алтайское Горное Правление долгое время не обращали никакого внимания на этих пришлых людей, с каждым годом все более и более прибывающих. Не видя ниоткуда никаких притеснений или понуждений к переселению и приписке к местному обществу и пользуясь всеми благами привольной жизни, переселенцы продолжали жить в этом селе, не думая об исходатайствовании приемных приговоров и привлекая письмами на родину своих сородичей и знакомых в далекий Бийский округ, для совместного жительства в этом благодатном крае. Старожилы³ [Л. 71 об.] же – сибиряки, встречая в пришлых людях дешевых работников и сбывая им втридорога плохонькие дома, скот, полевые орудия и разную домашнюю рухлядь, долгое время смотрели на переселенцев только как на доходную статью, не думая о будущем недостатке земель, тем более, что, при скудности своих достатков, переселенцы первые годы занимались исключительно хлебопашеством, а пахотных земель и в настоящее время у Ново-Тырышкинских крестьян достаточно. Но вот, год от году, первые переселенцы начали оправ-

² Одна десятина включает в себе 2400 квадратных сажень.

³ Разбивка слова между листами: ста//рожилы

ляться и обзаводиться скотом, а наплыв переселенцев с 1880 года значительно увеличился и между старожилами возник вопрос о могущем в непродолжительном времени последовать, вследствие увеличения населения и развития новоселами скотоводства, стеснении в сенокосных и пастбищных угодьях, а следовательно и в стеснении скотоводства, составляющего, как и везде на Алтае, главнейшее богатство Ново-Тырышкинских крестьян. Ввиду этого опасения, они, в 1882 году, порешили между собою не принимать более к себе переселенцев, а тем, которые уже поселились у них, предложили или причислиться к ним по приемным приговорам, или же переселиться [Л. 72] в другие места и селения. Тогда возник вопрос о приговорах, за которые старожилы просили от 30 до 50 рублей, а переселенцы, привыкшие к пользованию всеми угодьями сначала бесплатно, а потом за ничтожную, сравнительно, арендную плату – или хотели получить приговоры даром, или же предлагали за них от 10 до 15-ти рублей. При несдержанности обеих сторон, при кичливости и самонадеянности некоторых зажиточных кулаков-старожилов и при крайней грубости и упрямстве некоторых переселенцев, – мирные дотоле отношения между старожилами и переселенцами порвались и по временам начали обостряться до более или менее крупных столкновений, выражавшихся в самоуправстве обеих сторон, что, наконец, обратило на этот предмет внимание волостной и земской полиции и чиновника по крестьянским делам, а потом и губернской администрации.

Не говоря о многих частных случаях, вызывавших вмешательство и разбирательство местных властей, с прошлого года возник ряд обоюдных жалоб на притеснения, с просьбою от старожилов – о выселении от них переселенцев, и от последних – о причислении их на [Л. 72 об.] месте настоящего их жительства без приговоров. Последствием этих жалоб было распоряжение мое (во время управления в минувшем году губерниєю) от 3-го Июня 1883 года за № 342, коим остановив произвольные действия Бийской полиции и самоуправство старожилов по отношению к переселенцам, я предписал Бийскому окружному исправнику объявить последним, чтобы они в 6-ти месячный срок или исходатайствовали себе у старожилов приемные приговора и причислились на законном основании, или же приискали бы себе для поселения новые места или общества. Распоряжение это успокоило на время старожилов; переселенцы же хотя и возбуждали новое ходатайство о причислении их без приговоров но ходатайство это, 25-го августа м[инувшего] г[ода] за № 590, Вашим Превосходительством оставлено было без уважения, с продолжением назначенного мною переселенцам срока до Июня месяца н[астоящего] г[ода]. В виду этого, последнего, распоряжения, переселенцы сочли себя вправе как произвести осенью минувшего года посевы озимых хлебов, так и приступить весною настоящего года к разработке полей для яровых посевов, нисколько не смущаясь тем обстоятельством, что жатва посеянных ими хлебов может быть произведена [Л. 73] лишь гораздо позднее назначенного им срока на перечисление или приискание новых обществ, к исполнению какого распоряжения они не выказали ни малейшей заботливости, продолжая, несмотря на отказ, питать надежды на причисление их без приемных приговоров. Ввиду такого упорства переселенцев, старожилы, понимавшие последнее распоряжение, как разрешение переселенцам только проживания в селе Ново-Тырышкинском впредь до приискания новых обществ, или исходатайствования приемных приговоров, без права пользования землями, – в видах понуждения переселенцев к скорейшему удалению из их селения и в устранение повода к дальнейшему проживанию их для уборки засеянных хлебов и неизбежных столкновений при наступлении сенокосного времени, – 15-го апреля постановили приговор о недопущении новоселов к разработке пашен и об отобрании от них, в случае дальнейшего упорства, полевых орудий. Переселенцы же, с своей стороны, заявили старожилам, что в случае приведения ими в исполнение высказанных в приговоре предположений, они силою воспротивятся старожилам, не выдадут им полевых орудий и во что бы то ни стало распашут землю и посеют хлеб. По получении известия об этом, Бийский окружной [Л. 73 об.] исправник, во внимании к тому, что предположенные старожилами меры побуждения к выселению переселенцев могут вызвать насилие и буйство, от 21-го апреля за № 8559, предписал Алтайскому отдельному заседателю воспретить старожилам деревни Ново-Тырышкиной всякое насилие по

отношению к новоселам; последним же объявить, чтобы они, в виду распоряжения Вашего Превосходительства, не приступали к запашкам земель, а тогда же приискали места и к 1-му Июня н[астоящего] г[ода] непременно выехали из дер. Ново-Тырышкиной, – с предупреждением обеих сторон, что в противном случае против них будут приняты меры, как против бунтовщиков установленной власти. По объявлении этого распоряжения, старожилы беспрекословно приняв таковое к исполнению, не только не проявили каких-либо насилий над переселенцами, но начали вступать с ними в соглашение о пользовании в настоящее лето землями за полетную (арендную) плату от 2 до 6 рублей; переселенцы же, с своей стороны, вступив с старожилами в соглашение о пользовании землями за плату и засеяв земли, в громадном большинстве, ко времени моего прибытия в Ново-Тырышкино (20 мая) не думали об уплате полетных денег за земли и еще менее помышляли о необходимости⁴ [Л. 74] исполнения распоряжения Вашего Превосходительства относительно выселения из этого села к назначенному им сроку, – что, само собою разумеется вновь возбудило неприязненные отношения между старожилами и переселенцами, рельефно обозначившиеся и на полном сельском сходе, собранном мною из старожил и переселенцев.

На сходе этом, происходившем в присутствии чиновника по крестьянским делам V участка Луцкого и Бийского окружного исправника Новогонского, а также из расспросов крестьян и переселенцев соседних селений, между прочим, выяснилось, что независимо вышеизложенных общих причин настойчивости старожил к выселению переселенцев, не малое влияние в этом отношении оказывают: вероятное покровительство старожилам Алтайского Волостного старшины Тырышкина, весьма зажиточного крестьянина села Ново-Тырышкинского, грамотного, сравнительно развитого, скотовода, интересы которого вполне солидарны с интересами прочих кулаков-крестьян этого села, занимающихся обширным скотоводством,⁵ [Л. 74 об.] экономическое влияние на своих однопоселенцев прочих зажиточных скотоводов и в особенности Казанцевых (они же доверенные по этому делу от общества старожил) особенно ретиво ратующих против переселенцев, из коих Никита Казанцев, имеющий личные счета с некоторыми из переселенцев, пользуется особенным со стороны их нерасположением, вследствие своего самоуправства по взысканию долгов с переселенцев; – подстрекательства разных темных личностей, извлекающих из писания просьб средства к существованию; – действия в интересах кулаков-скотоводов бывшего сельского писаря села Ново-Тырышкинского канцелярского служителя Лебедкина, сочинявшего приговор 15 апреля о недопущении переселенцев к распашке полей и об отобрании у них полевых орудий⁶: – неуплата некоторыми переселенцами полетной (арендной) платы за право пользования землею за прошлое лето и невзнос таковой же платы громадным большинством за настоящий год; – крайне грубое и нахальное отношение некоторых отдельных личностей из переселенцев и в особенности отставных и временно-отпускных солдат, не только к старожилам-крестьянам, но и к местному сельскому, волостному [Л. 75] и земскому начальству выразившееся и на сходе, и уверенность этих лиц в их праве на причисление куда бы они ни пожелали без всяких приговоров⁷; – и, наконец,

⁴ Разбивка слова между листами: необхо//димости

⁵ Тырышкин, как весьма зажиточный, значительный торговец скотом, пользуется заметным влиянием во всей Алтайской волости и потому, как Волостной старшина и житель села Ново-Тырышкинского, несомненно мог остановить составление приговора 15 апреля, но он не только устранился от этого, но даже и во время пребывания моего, совместно с чиновником по крестьянским делам и исправником, в селе Ново-Тырышкинском, не считал нужным ни явиться к кому либо из нас, ни присутствовать на собранном мною сходе и лишь, впоследствии, в селе Алтайском, когда я узнал, что он во время схода был дома, в селе Ново-Тырышкинском, объяснил мне, что не явился по нездоровью. [Примечание автора документа]

⁶ Лебедкин, по распоряжению чиновника по крестьянским делам и исправника, уже удален от должности сельского писаря и выселен из села Ново-Тырышкинского. [Примечание автора документа]

⁷ Отношения к этим отдельным личностям обострились до такой степени, что старожилы не только не согласны на прием их ни за какие деньги, но и готовы выселить их на собственный счет, или же, в случае причисления их без приговоров, выселиться сами. Вообще личности эти и в особенности солдаты оказывают самое дурное влияние на прочих переселенцев и служат главнейшим препятствием к соглашению между переселенцами и старожилками. [Примечание автора документа].

действующая ныне подушная система обложения 6-ти рублевым оброком за пользование землями, при которой старожилам представляется обременительным и несправедливым, чтобы они при причислении к ним переселенцев, лишаясь в пользу последних половины состоящих ныне в их пользовании земель, продолжали платить за них ту же оброчную плату, какую вносили и за полное количество земель; состоявших в их пользовании. Упорное же нежелание переселенцев оставить село Ново-Тырышкинское объясняется отчасти вредным влиянием на них некоторых из их самонадеянных товарищей и распространяемыми между ними разными темными личностями толками об имеющем будто бы последовать распоряжении о причислении [Л. 75 об.] их без приговоров, а также нежеланием расстаться с ранее их переселившимися родственниками, по письмам которых они и тронулись с прежних мест жительства, – главнейшим же образом от неимения у большинства переселенцев решительно никаких средств к переселению на новые места, – от невозможности продать в скором времени хотя бы за половинную цену приобретенные ими от старожилов и вновь выстроенные дома, – и от неимения никаких, более или менее определенных сведений ни о свободных землях, на которых они могли бы быть поселены, ни о мно[го]земельных, но малонаселенных селениях, к которым бы они могли причислиться без особенных затруднений.

Предвидя последнее обстоятельство, я, прежде поездки моей в Бийский округ, заезжал в г. Барнаул, для собрания этих сведений в Главном Управлении Алтайских горных заводов, но, к сожалению, обязательно сообщенные мне помощником Начальника Алтайского горного округа по поземельной части сведения по этому предмету, как обнаружилось при разъездах моих по Бийскому округу и при ближайшем ознакомлении с делом на месте, оказались настолько [Л. 76] устаревшими и несообразными с действительностью, что не могли оказать никакой пользы для Ново-Тырышкинских переселенцев.

Ввиду всего этого, а также совершенной невозможности выселения из села Ново-Тырышкинского всех непричисленных переселенцев в назначенный для того срок 1-го Июня, без крайнего для них разорения и возбуждения серьезных беспорядков, неизбежных в безвыходном их положении, – я, согласно личного разрешения Вашего Превосходительства, отсрочил переселенцам окончательное выселение из села Ново-Тырышкинского, или исходатайствование у общества старожилов приемных приговоров до 1-го Января будущего 1885 года. Причем тщательно разъяснив им на сходе всю неосновательность надежд их на причисление без приговоров и необходимость или войти в соглашение со старожилами, или же беспрекословно подчиниться распоряжению Начальства о переселении, а также и все те тяжелые последствия, какие могут возникнуть вследствие неисполнения ими в этот срок начальственных распоряжений, вместе с тем, разрешил им снятие и уборку засеянного ими хлеба, за полетную, согласно условию со старожилами, плату,⁸ [Л. 76 об.] с тем, чтобы по снятии засеянных ныне хлебов, те из них, которые не исхлопочут к тому времени приемных приговоров от общества, или же не войдут с старожилами в новые определенные соглашения относительно арендования принадлежащих последним земель, отнюдь не приступали бы ни к новой распашке полей, ни к посеву озимых хлебов, под опасением строгого за то взыскания, как за самоуправство, – наблюдение за исполнением какового распоряжения возложил на присутствовавших тут же исправника, сельского старосту и доверенных от обеих сторон. Затем, вследствие возбужденного на сходе самими крестьянами вопроса о сенокосах, я разрешил переселенцам, платящим полетное, пользование сенокосами наравне с старожилами; не платящим же полетной платы, – в пользовании сенокосом отказал. Причем в виду установившегося в Бийском округе обычая отдачи крестьянами принадлежащих им земель в пользование посторонних лиц за полетную плату, имеющего обширное применение по отношению к переселенцам, и подтверждения самими переселенцами о состоявшемся между ними и старожилами села Ново-Тырышкинского по этому предмету соглашении, [Л. 77] от выполнения которого в настоящем году переселенцы старались уклониться под разными предлогами, я, разъяснив им необходимость выполнения этого условия, по соглашению со сходом, распорядился о рассрочке уплаты этих денег в три

⁸ Разбивка слова между листами: пла//ту

срока, первой части – до наступления сенокоса, второй – до наступления жатвы и последней – по уборке хлебов, с тем, что лица, не уплатившие своевременно первой трети полетного не будут допущены до сенокоса, а не уплатившие своевременно второй части – до вывозки с полей снятого хлеба, – наблюдение за тем возложил на тех же сельского старосту и доверенных. Затем, объяснив старожилам безвыходное положение переселенцев, препятствующее им согласиться на чрезмерные требования их обуславливающие выдачу приемных приговоров, виновность тех из их односельчан, которые, в погоне за наживой, причастны как к привлечению в село Ново-Тырышкино переселенцев в качестве дешевой рабочей силы, так и в особенности в продаже им втридорога более ста домов, без чего самое проживание их в этом селе было бы невозможно, – и, наконец неосновательность и незаконность постановленного ими 15 апреля приговора, – распорядился о недопущении ими на будущее время ⁹ [Л. 77 об.] никакого самоуправства и стеснений по отношению к переселенцам, а также разъяснив им все неприятные последствия и ответственность, ожидающие их в случае неисполнения распоряжений начальства по сему предмету и притеснения переселенцев, – возложив наблюдение за этим как на присутствовавшего тут исправника, так и на волостное и сельское начальство. В заключение, разобрав возникшие между старожилками и переселенцами недоразумения и приведя их к возможному соглашению относительно дальнейшего проживания переселенцев в этом селе впредь до причисления по приговорам или переселения, а также пользования земельными угодьями, я присогласил бывших на сходе старожилков на принятие в свое общество наиболее скромных и беднейших переселенцев без всякой платы за приговоры и некоторой части прочих переселенцев за более умеренную плату, с тем чтобы остальная, значительнейшая часть, переселенцев и в особенности солдаты приискали себе другие общества, или свободные земли, так как на причисление к своему селу всех живущих в нем ныне переселенцев общество старожилков решительно несогласно, по недостатку находящихся в его пользовании земель и в особенности сенокосных и пастбищных угодий.

Все распоряжения мои, сделанные на сходе, вытекали из сообщений и соображений самих присутствовавших на сходе лиц [Л. 78] и постановлялись по соглашению с старожилками и переселенцами, в многочисленной среде которых, – за исключением весьма не многих личностей, преимущественно из солдат-переселенцев, – я не заметил того крайнего, будто бы озлобления, какое по донесению бийского исправника, будто бы существует среди местного населения не только в селе Ново-Тырышкинском, но и вообще в Бийском округе и угрожает повести к серьезным столкновениям целыми массами. Не заметил я этого озлобления и в прочих селениях Бийского округа и полагаю, что при серьезном внимании к этому, действительно существенно важному делу со стороны местных чиновников по крестьянским делам и полиции и при своевременном спокойном разбирательстве возникающих между старожилками и переселенцами недоразумений и споров и при своевременном принятии соответственных предупредительных мер, никакие серьезные столкновения между старожилками и переселенцами не могут иметь места.

К этому заключению я пришел как на основании личных моих наблюдений за отношениями старожилков к переселенцам в различных местностях Бийского округа, так и в особенности на основании следующего факта, относящегося к тем же Ново-Тырышкинским переселенцам: Ввиду возникших между старожилками и переселенцами села Ново-Тырышкинского несогласий, крестьяне деревни Ново-Белокурихи, Алтайской же волости, у которых [Л. 78 об.] земель достаточно, по собственной инициативе, желая по возможности помочь разрешению возникающих затруднений, чрез особо избранных депутатов, в числе которых находился и кандидат по Волостном Старшине, местный крестьянин, приглашали Ново-Тырышкинских переселенцев, в числе нескольких десятков семейств, переселиться к ним, предлагая беднейших из них принять без всякой платы за приемные приговоры, а имеющих средства – с платою не выше 10-ти рублей за приговор, – но переселенцы, сначала принявшие это предложение, впоследствии отказались от переселения в Ново-Белокуриху, объясняя отказ свой нежеланием расстаться с прочими товарищами и соглашаясь переселиться лишь в том случае,

⁹ Разбивка слова между листами: вре//мя

если Ново-Белокурихинское общество согласится принять к себе всех Ново-Тырышкинских переселенцев, – что, для Ново-Белокурихинских крестьян, по количеству состоящих в их пользовании земель, представляется обременительным, а по нравственным качествам некоторых переселенцев – крайне нежелательным; между тем переселение нескольких десятков семейств в Ново-Белокуриху, отстоящую от села Ново-Тырышкинского всего в 10-ти верстах, было бы весьма удобно и неразорительно и, вместе с тем, могло способствовать к скорейшему и легчайшему устройству остальных переселенцев. Факт этот, подтверждаемый волостными и сельскими начальниками Алтайской волости, старожилами [Л. 79] обоих селений и самими переселенцами, едва ли был бы возможен, при общем озлоблении старожилов против переселенцев, о котором заявлял исправник, – в особенности в виду того обстоятельства, что и ныне, несмотря на неудачный исход своей попытки, Ново-Белокурихинские крестьяне не прочь от принятия к себе некоторой части переселенцев. Независимо этого, при возвращении моем из объезда Алтая, Алтайский Волостной Старшина и доверенные от Ново-Тырышкинских старожилов и переселенцев сообщили мне, что на бывшем после меня сходе, Ново-Тырышкинские старики-старожилы решили принять бесплатно всех бедняков переселенцев и за плату – некоторых из имеющих средства; наиболее же грубых и имеющих столкновения с обществом – не принимать ни за какие деньги.

Но хотя в настоящее время, по моему мнению, и нельзя ожидать крупных столкновений старожилов с переселенцами, тем не менее, неопределенность положения последних в Алтайском горном округе, постоянный в значительном количестве прилив их, неустройство в поземельном отношении и происходящие от того стеснения как для самих переселенцев, так и для старожилов – на столько серьезны что вызывают настоятельную необходимость в безотлагательном принятии мер как к урегулированию самого переселения, так и, в особенности, к приведению в известность свободных земель на Алтае и к [Л. 79 об.] точному определению пунктов поселений, – без чего колонизация этого края, при существующих ныне условиях, неизбежно вызовет в недалеком будущем массу различных осложнений, могущих вредно отозваться на всем благосостоянии этого края и повести к разорению как переселенцев, так и старожилов.

По сведениям Алтайского Управления Алтайских горных заводов к 1-му Апреля н[астоящего] г[ода] в Барнаульском и Бийском округах считалось более 36.000 душ переселенцев из внутренних губерний России, не причисленных в законном порядке к тем сибирским обществам, среди которых они в настоящее время проживают. В действительности же, как я убедился при моей поездке по Бийскому округу и в особенности по горному Алтаю, количество непричисленных переселенцев гораздо более, так как в сведения Главного Управления не вошли многие переселенцы проживающие в горном Алтае при миссионерских и других селениях, – а также и сибиряки, в особенности Барнаульского и Бийского округов, проживающие в калмыцких стойбищах; равным образом не вошли те 2000 переселенцев, которые пришли в эти два округа в настоящем году (по 1 Июля). Таким образом общее число непричисленных и следовательно неустроенных переселенцев только в этих двух округах можно без преувеличения считать 40.000 душ. Вся эта масса гонимого нуждой народа, распродав свои скудные хозяйства на родине, двинулась в далекий край [Л. 80] отчасти вследствие писем ранее переселившихся земляков о приволье крестьянской жизни в Барнаульском и Бийском округах, от части же вследствие вообще распространившихся в последние годы в печати и среди сельского населения Европейской России сведений о необыкновенном изобилии плодородных земель в этих округах, непочатых богатствах края, незначительности крестьянских повинностей, дешевизне жизни и зажиточности местного населения. Между тем, в действительности, несмотря на выдающееся богатство края и изобилие земель, край этот, по местным условиям своим, вовсе не представляет того эльдорадо, к какому стремятся неимущие хлебопашцы, средней и северо-восточной полосы России, к которым принадлежит громадное большинство переселенцев, не имеющих материальной возможности к извлечению тех выгод, какие служат основой благосостояния местных жителей. Дело в том, что несмотря на обширность территории Алтайского горного

округа, лучшие для хлебопашества земли, находящиеся в равнинах Барнаульского и Бийского округов и в предгорьях Алтая, давным-давно уже заняты сибиряками-старожилами и ранее переселившимися крестьянами из внутренних губерний, которые, вследствие значительного увеличения народонаселения путем естественного прироста и посредством [Л. 80 об.] колонизации, в некоторых, наиболее густо заселенных местностях уже сами ощущают недостаток в землях, побуждающий их к переселению в наиболее отдаленные, горные долины Алтая и в калмыцкие стойбища. При том необходимо заметить, что при исключительных свойствах алтайского чернозема, скоро выпахивающегося, и при существующей переложной системе полеводства, для обеспечения крестьянского хозяйства посредством хлебопашества, по общим отзывам крестьян-хозяев, необходимо не менее 30 десятин на душу, каковое количество земель в настоящее время находится лишь в немногих, состоящих в исключительных условиях, раскольнических селениях, не допускающих к себе православных переселенцев. Эти-то особенные условия земледелия, отдаленность края от мест сбыта, неудобство путей сообщения и крайняя дешевизна хлеба в урожайные годы, не окупающая труда¹⁰, – заставили местное население обратиться к пчеловодству и преимущественно к скотоводству, которое при благоприятности местных для того условий в особенности в горном Алтае и его предгорьях, где, в некоторых местностях, скот круглый год пасется на подножном корму; представляют значительно большие противу хлебопашества выгоды. Таким образом, в удобных для хлебопашества, плодородных равнинах Барнаульского и Бийского ¹¹ [Л. 81] округов для колонизации вновь пришедших и идущих переселенцев почти нет мест, не занятых старожилами и опередившими их переселенцами. Остаются, правда – обширные, горные, лесные и степные пространства и Кузнецкий округ, в котором я не был, но где, по отзывам горного Начальства, есть прекрасные места для поселения и хлебопашества и пчеловодства, но переселенцы почему то избегают этот округ. В горы – переселенцы, как жители равнин, также нейдут, боятся их, – и не без основания, так как, прекраснейшие и удобнейшие для пчеловодства и скотоводства, горные долины, как я убедился при собственных разъездах по этим местностям, далеко не представляют тех же удобств для хлебопашества, которое в этих местностях производится лишь как подспорье к скотоводству, исключительно для собственного продовольствия, – да и то с риском, так как нередко обещавшие прекрасный урожай хлеба вымерзают от ранних инеев, выпадающих в начале августа. В леса (по местному названию чернь) идут исключительно Вятские переселенцы, привыкшие к лесам и представляющие лучший и желательнейший элемент переселенчества, как по трудолюбию и своим нравственным качествам, так и по относительной достаточности и знанию ремесел, распространяемых ими в крае; другие же переселенцы нейдут в черневые, нередко болотистые, пространства, как по непривычке к лесам и подсечному хозяйству ¹², [Л. 81 об.] так и по обилию в этих местах разного рода овода (мошек, комаров, паутов и проч.), столь сильно терзающего людей и скота, что были случаи переселений, собственно по этой причине, целых селений с одного места на другое. Наконец, степные пространства, охотно избираемые переселенцами, хотя и представляют возможность колонизации, в особенности по Кулунде в Барнаульском округе и по Алею – в Бийском, но недостаток годной к употреблению воды составляет существенное затруднение к значительному поселению в этих местностях, к ведению хозяйства и в особенности скотоводства и вообще к оживлению этих пустынных местностей; употребление же дурной воды развивает болезни как среди людей, так и среди скота и случаи переселения в этих местностях с одного места на другое, собственно из-за недостатка хорошей воды, не редки. Вследствие всего этого, находящиеся ныне в Барнаульском и Бийском округах, и вновь стремящиеся туда, в особенности в последний округ переселенцы, отыскивая ранее их переселившихся земляков, оседают

¹⁰ До чего доходит эта дешевизна можно судить из того, что в некоторых местностях, в предгорьях Алтая, в урожайные годы при недостатке рабочих рук, хлеб остается не убранным на корню, так как наемная уборка его превышала бы стоимость самого продукта. [Примечание автора документа].

¹¹ Разбивка слова между листами: Бийско//го

¹² Разбивка слова между листами: хозяй//ству

преимущественно в многолюдных селениях, переполненных пришлым людом, и действительно встречающих затруднения в принятии в свое общество всех этих, большею частью совершенно неимущих пришлецов, без расстройства или по крайней мере без значительного сокращения собственных хозяйств и в особенности скотоводства, составляющего¹³ [Л. 82] как я уже говорил ранее, главную статью хозяйства и дохода в Барнаульском и Бийском округах. Ознакомляясь постепенно с местными условиями и осведомляясь о свободных землях, одни из них, преимущественно сохранившие какие-либо средства, после долгих колебаний, входят в соглашение со старожилами и по купленным ими приемным приговорам¹⁴ причисляются к избранным селениям; другие же, громадное большинство, не имеющие средств на покупку приговоров, или не желающие подчиняться чрезмерным требованиям старожилов, или кочуют с мета на место, разыскивая свободные земли или более снисходительные общества, постепенно отвыкая от труда и приобретая привычку к бродяжеству, – или поступают за дешевую цену в батраки к зажиточным крестьянам старожилам, – или же, наконец, арендуют у них земли за дорогую цену и понемногу скопляют средства для покупки приговоров; немало переселенцев, испытавших неудачу на Алтае, или не нашедших себе подходящих мест, иногда вконец разоренные, возвращаются обратно на родину, или же отправляются искать обетованные земли в далекий Амурский край, или Семиреченскую область.

Большинство переселенцев обращается за разрешением о поселении в Главное Управление¹⁵ [Л. 82 об.] Алтайских горных заводов, которое, руководствуясь имеющимися в нем планами двадцатых и тридцатых годов и устаревшими сведениями о свободных землях и о народонаселении, выдает таковые разрешения на основании имеющихся у него данных, но к сожалению, данные эти оказываются настолько устаревшими или неверными, что выданные переселенцам разрешения нисколько не устраняют встречаемых ими к поселению затруднений. Так например, Главное Управление, усматривает из имеющихся в оном сведений, что при каком-либо селении считается удобных земель 1500 десятин, на которые можно поселить 100 душ, а числятся поселенными 60, дает разрешение на поселение еще 40 душ; между тем, как в действительности или удобных земель при этом селении оказывается менее десятин на 200, или же, что гораздо чаще, количество народонаселения в этом селении увеличилось до 80, а иногда до 100 и более душ, и следовательно, данное переселенцам разрешение на поселение, при недостаточности земель для старожилов и переселенцев, не устраивая положения последних и не давая им права причислиться к существующему уже селению без приемного приговора, не избавляет их от необходимости входить со старожилами в соглашения относительно покупки приемного приговора, или же пускаться в новые розыски свободных земель. Другой пример: по сведениям¹⁶ [Л. 83] Главного Управления какая-либо, удобная для поселения, местность, считается свободною и, руководствуясь этим, оно выдает переселенцам дозволительное свидетельство на поселение там, но пройдя сотни верст до этой местности, переселенцы находят там давно образованное селение. На пути моего проезда в Уймон, в глубине Горного Алтая, около 350 верст от Бийска, я встретил, растерявшихся от неожиданности, переселенцев Челябинского уезда Прокопия Хвостанцева, Шадринского уезда, Демьяна Камышева и Ануйской волости, Бийского округа, Исаака Поломошного с товарищами, которым 29-го Марта н[астоящего] г[ода] за № 3996 и 19-го Мая за № 5787, 5788 и 5789-м выданы Главным Управлением дозволительные свидетельства на поселение в пусто-лежащем месте, находящемся на реке Катунь, между речек Катайнаком и Коксою, – между тем как на месте этом оказался образованный более 10-ти лет назад Коксинскими инородцами выселок Катайнак, имеющий в настоящее время 10 домов, да и самая земля будто бы принадлежит инородцам.

¹³ Разбивка слова между листами: со//ставляющего

¹⁴ Иногда их весьма дорогую цену от 30 до 50 рублей, а в деревне Паутовой, Алтайской волости, даже по 90 рублей с семейства. [Примечание автора документа].

¹⁵ Разбивка слова между листами: Управ//ление

¹⁶ Разбивка слова между листами: сведе//ниям

Независимо этого, при обширности территории Алтайского горного округа, Главное Управление оно, выдавая дозвожительные свидетельства на поселение в пусто-лежащих местностях, не имеет возможности следить за поселением именно на тех местах, на которые даны разрешения и на пользование лишь теми землями, которые [Л. 83 об.] оно предполагало предоставить переселенцам, чем переселенцы, пользуясь отсутствием надзора, злоупотребляют, в особенности среди калмыцких стойбищ, где на сотни верст в окружности нет никакого представителя власти, за исключением полудиких калмыцких зайсангов, не имеющих никакого значения в глазах переселенцев. Так например, при проезде своем в Ангудай, я встретил около 50 душ переселенцев разных губерний, коим разрешено поселиться при устье речки Кеньги (или Теньги) находящемся вблизи одинокой станции того же наименования, но упорно стремящихся, несмотря на сопротивление калмыков 2 и 5 дючин и зайсанга последней, поселиться верст на 15 выше, в Кеньгинской долине, вблизи обширнейшего в той местности и рыболовного озера Кеньгинского; цель этого насильного поселения, по объяснению самих переселенцев та, что “это место им глянется больше, чем Усть-Кеньга” находящаяся в топком месте; действительное же желание захватить разработанные калмыками пашни и проведенные ими арыки, так как здесь, по крайней редкости дождей, практикуется арычная система орошения; упорство переселенцев настолько велико, что перед проездом моим в Ангудай, они избили зайсанга 5 дючины, воспрещавшего им поселение на этом месте, а перед возвращением моим из Ангудая вырыли и бесследно уничтожили [Л. 84] межевой столб, стоявший вблизи Усть-Кеньги, для показания места поселения. Далее в деревнях Туекте и Новой, образованных на Урсуле, также попадаетея немало устроившихся уже домообзаводством переселенцев, имеющих разрешение на поселение в других местностях, или же совсем без всяких разрешений. Наконец даже за Ангудаем, вблизи Хабаровской заимки, на самой дороге, по речке Альгуменю, отчасти уже обстроились и продолжают обстраиваться переселенец Тит Сергеев Польшинкин, с товарищами, до 30 человек, по разрешению, данному Помощником Начальника Алтайского Горного округа, 28-го Февраля н[астоящего] г[ода], на образование нового заселка на речке Черной, находящейся верстах в 8-ми от места поселения, где, впрочем, по объяснению жены Польшинкина, ими также сделаны посеы хлеба. Разумеется, все эти произвольные и насильственные действия переселенцев, допускаемые ими единственно вследствие отсутствия надзора и безнаказанности их, возбуждают распри между ними и аборигенами страны, калмыками, поистине страдающими и разоряющимися от вторжения в их стойбища этих пришельцев, имеющих главнейшею целию при переселении грабеж и всякого рода эксплуатацию этого полудикого и безответного народа. Во время разъездов моих ныне по калмыцким стойбищам, я посетил все те из [Л. 84 об.] предназначенных к заселению в этих стойбищах местности, в которых началось уже заселение, и в некоторых образовались уже довольно большие селения, каковы, например, Ангудай, Туекта и Абай, и ни в одной из них не нашел условий, благоприятных для хлебопашества, так как по общим отзывам местных жителей, посеы хлебов по склонам гор и горным долинам большею частью вымерзают и с успехом разводятся лишь ячмень и овес, – но тем не менее пионеры переселенческого движения упорно стремятся в горный Алтай из более благоприятных местностей великороссийских губерний и в особенности из Барнаульского и Бийского округов, – что можно объяснять единственно стремлением к легкой наживе. Наиболее распространенный и доходный способ наживы состоит в том, что переселенцы распахав кое-как какую-нибудь десятину земли и засеяв ее какими бы то ни было семенами, по всходе их, устраивают по ночам облавы на калмыцкие табуны и загнав лошадей на посеы, вытаптывают их, и затем, захватив лошадей, собирают за них ни с чем несообразные выкупы за потраву, а иногда и совсем не отдают лошадей, обращая их в свою собственность: В особенности в этом отношении отличаются крестьяне деревни Туекты, Алтайской волости, и преимущественно их доверенные и ходатаи по разным кляузным делам Иван [Л. 85] Вилисов и Федор Воробьев с сыновьями последнего, запасными солдатами, служащие истинными бичами для окрестных оседлых инородцев и калмыков. Я не говорю уже о захвате подобными переселенцами орешного промысла, истреблении зверя, чуть не поголовном избиении ими калмыков и прочих деяниях, ставшими обыденным явлением, не возбуждающим даже особенных жалоб со стороны потерпевших.

В виду всего вышеизложенного и важности переселенческого вопроса вообще и для колонизации алтайского горного округа в частности, а также в устранение тех затруднений, какие испытываются ныне как переселенцами, так и старожилами-сибиряками этого края, я полагал бы с своей стороны наиболее полезным и целесообразным принятие следующих мер:

1) Возможно широкое распространение среди сельского населения великороссийских губерний, посредством печати и сношений с Губернаторами или крестьянскими. Присутствиями тех губерний, из коих преимущественно идут переселенцы¹⁷, подобных сведений о настоящем положении переселенческого вопроса в Алтайском горном округе и, в особенности, о недостаточности в Барнаульском и Бийском округах свободных для поселения и удобных¹⁸ [Л. 85 об.] для хлебопашества земель, а также и об экономических, поземельных и географических условиях этих округов, – что, вероятно, в значительной степени уменьшило бы приток переселенцев в эти округа и дало бы возможность к постепенному устройству находящихся уже в этом крае переселенцев и к вымежеванию свободных участков для будущей колонизации.

2) Приведение в точную известность, посредством обмежевания, всех находящихся в пользовании селений Алтайского горного округа земель, с определением нормы душевого¹⁹ надела, и с отрезкою значительно крупных от надела остатков под самостоятельное поселение переселенцев; на небольшие же излишки земель приселять переселенцев к существующим уже селениям, без истребования приемных приговоров и, следовательно, без ответственности существующих ныне сельских обществ в платеже податей за переселенцев, – что значительно могло бы способствовать к устранению тех затруднений, в каких находятся ныне обзаведшиеся уже домообзаводством не причисленные переселенцы.

3) Постепенное обмежевание свободных и удобных для сельского хозяйства земель в Алтайском горном округе, для благовременного образования участков, на которые бы могли быть направляемы переселенцы тотчас по прибытии их в Томскую [Л. 86] губернию, с сообщением планов этих участков и подробных их описаний Томской администрации, для предъявления переселенцам по прибытии их в г. Томск, во избежание излишних расходов переселенцев и траты ими времени на разыскания и обозрения участков в натуре.

4) Переложение оброчной подати с душ на землю; при чем общее количество оброчной подати, определенной по количеству земель, отведенных к тому или другому селению, или исчисленных в свободном к заселению участке, не должно быть изменяемо ни при каком приросте населения, несмотря на то – получается ли этот прирост естественным путем, или путем колонизации. Реформа эта, совместно с освобождением существующих ныне сельских обществ от круговой поруки за переселенцев в платеже податей, несомненно устранила бы все те затруднения какие существуют ныне между старожилами и переселенцами.

5) Временное приостановление заселения переселенцами и в особенности сибиряками из местностей Алтайского же горного округа калмыцких стойбищ, впредь до водворения там русской гражданственности и устройство среди переселенцев самостоятельных волостного и сельских обществ, с изъятием их из ведения Алтайской волости, расположенной за сотни верст от русского населения горного Алтая. [Л. 86 об.]

6) Перенесение резиденции Алтайского отдельного заседателя из села Алтайского в село Ангудайское, находящиеся в центре калмыцких стойбищ, и вблизи Чуйской долины, находящейся ныне, как и весь горный Алтай, с калмыцкими стойбищами, вне всякого наблюдения со стороны администрации и полиции, отделенных от него сотнями верст гористого пространства, – что, разумеется, главнейшим образом, способствует господствующим там произволу, насилию и всякого рода беззакониям. При чем все русские селения, находящиеся вне горного Алтая, включительно с селом Алтайским, должны быть выделены из ведения этого заседателя, с образованием из них особого участка, с причислением к нему ближайших селений от других, также весьма обширных участков.

¹⁷ Рязанская, Тамбовская, Орловская, Пензенская, Полтавская, Оренбургская и некоторые другие. [Примечание автора документа].

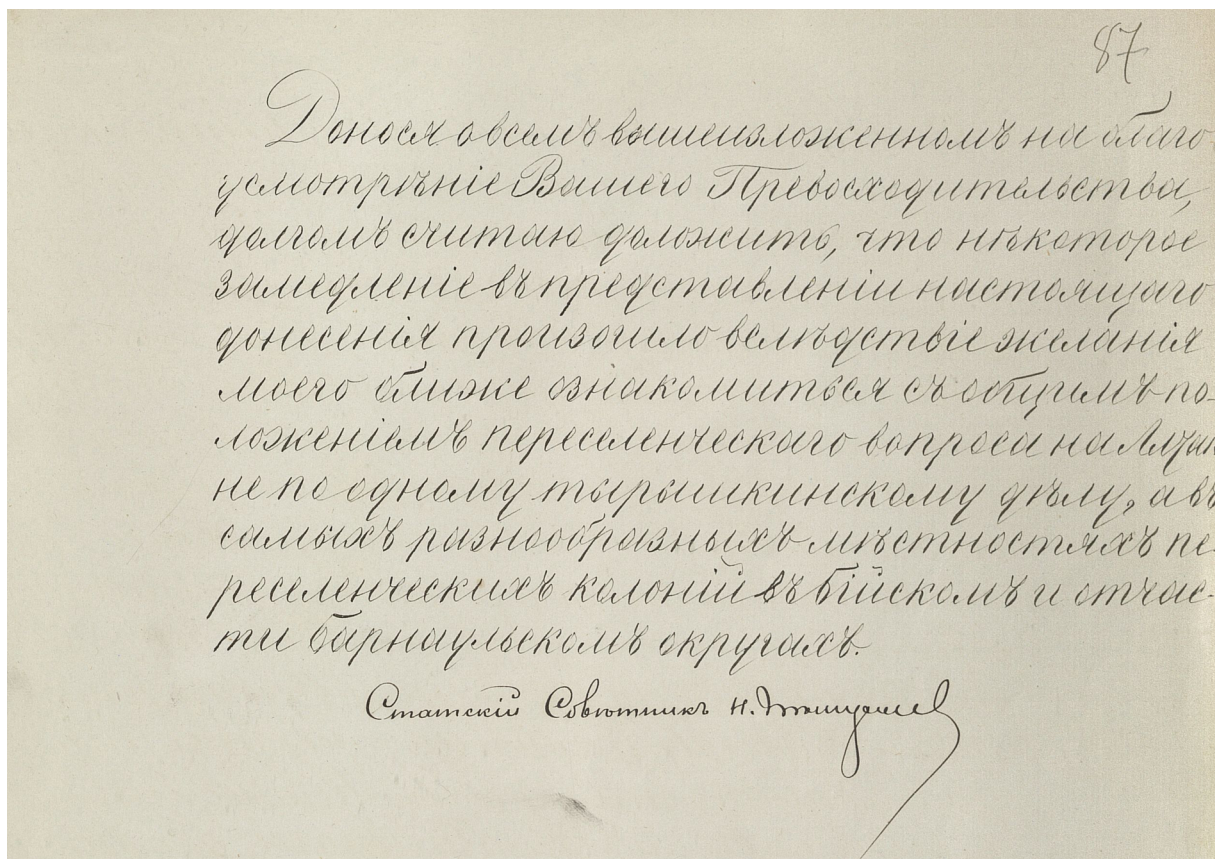
¹⁸ Разбивка слова между листами: удоб//ных

¹⁹ В подлиннике: “душевного”. Вероятно, ошибка писаря.

7) Для поддержания нравственного достоинства и власти зайсангов и для внушения к ним должного уважения со стороны русского населения, снабдить их знаками волостных старшин, и их помощников, демичей, знаками сельских старост, что отличая их по внешности от простых калмыков, должно оградить их от незаслуженных оскорблений со стороны русских, унижающих их достоинство и парализующих тем их нравственное влияние на своих родовичей.

[л. 87] Донося о всем вышеизложенном на благоусмотрение Вашего Превосходительства, долгом считаю доложить, что некоторое замедление в представлении настоящего донесения произошло вследствие желания моего ближе ознакомиться с общим положением переселенческого вопроса на Алтае не по одному тырышкинскому делу, а в самых разнообразных местностях переселенческих колоний в Бийском и отчасти Барнаульском округах.

[Подпись:] Статский советник Н. Петухов.

Государственный архив Томской области. Ф. Ф-3. Оп. 44. Д. 9. Л. 70–87.

Литература

Кириллов А.К., Караваева А.Г., Самульцева Н.Н. Переселенческо-старожильческие конфликты на заре великого сибирского переселения (1870–1880-е гг.): штрихи к портрету русского общества // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2017. № 4. С. 44–53.

Reference

Kirillov, A.K., Karavaeva, A.G., Samulceva, N.N. (2017). Pereselenchesko-starozhilcheskie konflikty na zare velikogo sibirskogo pereseleniya (1870–1880-e gg.): shtrihi k portretu rossijskogo obshchestva [Migration and old-age conflicts at the dawn of the great Siberian migration (1870-1880s): touches to the portrait of Russian society]. In *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Istoricheskie nauki"*. No 4. Pp. 44–53.

Статья поступила в редакцию 06.11.2019 г.